

Кашемирское знание. - Киев. - 1991. - Забвиста. - с. 8

ЭТО произошло в последнюю субботу июня. Прощание Владимира Молчанова началось до и закончилось, как и следует, после полуночи.

В чем же дело? Запретили? Не давали работать? Выгнали?

Владимир и сам удивляется, почему его так долго терпели, в то время как другие популярные передачи давно были закрыты. В январе они показали Вильнюс. Гости студии тогда прямо сказали, что думают о Л. Кравченко — новом руководителе союзного телевидения. С тех пор В. Молчанов, прежде чем телезрителям, должен был показывать свои передачи чиновникам. Наиболее сильные места, разумеется, прятал. Мартовскую передачу Л. Кравченко окрестил наиболее антикоммунистической. Май — снова о Вильнюсе. В этот раз запретили показ беседы с пастырем православной церкви в Литве Хризостомом. Унизительный выбор — или Хризостом, или передача — еще раз доказал ему, что так дальше нельзя. Все! Хватит! Владимира поддержала вся творческая группа «До и после полуночи», хотя многим придется гораздо труднее, чем ему. Л. Кравченко он написал, что уходит, так как не желает быть его общником. Мне объяснил более образно: «Мне — 40 лет, почему я каждый раз должен быть кастрирован раньше, чем я начинаю что-либо делать».

С другой стороны, Владимир с горечью говорит и о самом Л. Кравченко, который, кстати, и открыл его. Володе импони-

Встреча для вас
В. МОЛЧАНОВ:
**«НЕ ЖЕЛАЮ БЫТЬ
 ЗАВИСИМЫМ»**

рует, что такой гигантской информационной структурой, как ТВ, руководит профессиональный журналист, чего не бывало прежде. Л. Кравченко благословил их передачу, а танже «Взгляд». Почему сейчас назначенный руководителем государственной телерадиокомпания он раскисился как закоренелый консерватор?

Владимир считает, что никакое указание Президента М. Горбачева не может быть столь масштабным, и все, что делает на телевидении Л. Кравченко, отвечает его собственным взглядам.

«В этом его трагедия. Что бы он ни делал в будущем, в историю он войдет где-то рядом с Суловым. Когда несколько десятилетий спустя люди оглянутся, чтобы посмотреть, кто какие гадости совершал, никто не воспримет его как-либо иначе. Хотя мне всегда казалось, что он — не такой человек».

Не открою Америку, отметив, что в передачах Владимира зрителя привлекают не только важность темы, острота публицистики, но и глаза

автора, его голос. Час-другой я ощущал тепло его взгляда и голоса не с экрана, и не удивляюсь, что в шахтерских поселках поделится с ним своими думами собирались тысячи людей. Они направлялись словно на сходки, некоторые принесли с собой табуретки. Люди вырывали друг у друга микрофон, но записывать было сложно — многие женщины планали.

За двенадцать дней он посетил 17 шахт, восемь дней снимал, три смены провел под землей.

«К сожалению, до тех пор я мало общался с людьми, зарабатывающими на хлеб руками. Представлял себе, что в шахте страшно тяжело, но еще больше меня потрясло издевательства над людьми. Это страшная подлость — называть их элитой рабочего класса, а обращаться, как с последней скотиной, как с абсолютными рабами. Ради не имеющих никакой цены денег, за которые ничего нельзя купить, они работают под землей не 6 часов, как положено, а, как правило, вдвое

дольше. Потом поднимаются на поверхность, но и здесь их ждет такая же гадость, как и под землей. Их выносливость — какое-то чудо. А пьют эти люди много, нигде не доводилось видеть, чтобы так пили».

Шахтеры, с которыми общался Владимир, рассказали ему, что в нынешнем году похоронили девятерых товарищей. Сразу же после передачи, спустя лишь несколько часов, там же, в Донбассе, шахта поглотила жизни более чем тридцати горняков.

Люди не верили, что ему удастся показать правду. Володя показал. Вот пестрая очередь выстраивается к единственному на всю барачную коммуны унитазу. В минуты счастья на свадебное веселье, словно почетный гость, каменными глазами взирает Ленин... В фильме есть и живой носитель идей коммунизма, некогда организовавший «рекорд» А. Стаханова, партийный секретарь Петров. Этот несгибаемый, по словам В. Молчанова, коммунист, давно уже разменявший восьмой десяток, «не сломался» даже, когда откупорил третью бутылку. Зато как заговорил! То, что услышали миллионы людей, бывший секретарь изредка рассказывал только друзьям — газетная, десятилетиями отшлифованная до блеска версия «рекорда», разумеется, выглядит несколько иначе.

Не сомневаюсь, что фильм В. Молчанова — огромное событие для самих шахтеров. И из-за правды, в которую они не верят, и потому, что увидели себя как бы со стороны. Меня всегда поражала покорность этих людей. «Я бы не сказал, — возразил Владимир, — что они все еще покорны. Это был страх. Он сновывал меня, тебя, шахтеров. Страх отцов генети-

чески пронизывал детей. Мало что изменилось и сегодня, но люди уже поднимаются. Помнишь забастовки? В следующий раз они смеют все. «Прикажут в нас стрелять, поднимутся все — и жены, и дети», — кричала в микрофон жена шахтера».

Из коммунистической партии Владимир вышел после январских событий в Вильнюсе, хотя членские взносы не платил с того дня, как лидером российских коммунистов стал И. Полосков. 14 января отказался от дальнейшего сотрудничества в информационной программе «Время». Передача, которой он отдал часть своего сердца, теперь уже не «до», а «после».

Что он будет делать? Владимир подумывает о новой передаче, но не желает быть зависимым ни от правительства России, ни от Б. Ельцина, ни от М. Горбачева. Компания «Телепрогресс», своего рода видеоприложение к журналу «Огонек», еще только создается. Передача Владимира в ней — тоже еще не завтра. Вначале — блок для детей, которые, по его утверждению, в этой стране вообще не имеют телевидения. Затем — религия, прошлое, профессиональный спорт.

Мнение В. Молчанова о длившемся семь десятилетий красном эксперименте однозначно. Фильм о шахтерах он охарактеризовал как прощание с системой, некролог. Подписавшись под ним, нечего говорить о каком-то социалистическом выборе и тому подобном абсурде. Все!

Лишь старушка-мама, родню которой в сумятице переворотов расстреливали и ссылали, все еще учит десятилетнюю дочку Владимира: не надо, мол, внученька, так, будь поосторожнее...

Э. ГАНУСАУСКАС.
 («Летувос Ритас», Вильнюс).